

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**Нейтрализация синтаксических оппозиций современного английского
языка**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика
очной формы обучения, группы 04001402
Звонкова Владислава Владимировича

Научный руководитель
д.ф.н., проф. кафедры АФиМК
Чекулай Игорь Владимирович

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Теория оппозиции, нейтрализации и синтаксиса	6
1.1 Синтаксис	6
1.2 Теория оппозиции	9
1.3 Классификация оппозиций.....	14
1.4 Типы нейтрализации	21
1.5 Распространение теории оппозиций на другие уровни языка и их нейтрализация.....	28
Выводы по главе I	32
Глава II Нейтрализация синтаксических оппозиций	33
1.1 Утверждение и отрицание	33
1.2 Вопрос – не вопрос/непобудительное предложение – побудительное предложение	37
1.3 Сочинение – подчинение.....	38
1.4 Теория трансформов в английском языке	43
1.5 Импликация, эллипсис и неполные предложения	46
Выводы по главе II	52
Заключение	53
Список литературы	54

ВВЕДЕНИЕ

К концу XIX века языковедение в основном представляло из себя глобальный кружок младограмматики и сравнительно-исторического языковедения. Справившись со своей основной задачей – построение грамматики и фонетики индоевропейских языков – многие стали разочаровываться в науке. Звучали мнения, что лингвисты оторваны от жизни и погружены в старину – доведенные до совершенства младограмматиками методы компаративистов имели ограниченную применимость и не могли помочь в решении практических задач. Уже тогда было совершенно ясно, что нельзя заниматься только построением языков. Именно поэтому в начале XX века в языковедении начинают возникать новые течения.

Фердинанд де Соссюр – выдающийся языковед – взглянул на уже поднятые лингвистикой проблемы по-новому и один из первых решил попытаться сложить четкое понимание специфики и системного характера языка. Он заложил методы синхронного описания современных языков, на которых, в дальнейшем, сформировалась структурная лингвистика.

Теория фонологических оппозиций и процесса их нейтрализации восходит к Пражскому лингвистическому кружку и особенно к фонологической концепции Николая Сергеевича Трубецкого. Именно в своем труде «Основы фонологии» Трубецкой систематизировал и изложил все идеи этой концепции. В фонологической концепции Пражского лингвистического кружка оппозиция является центральным понятием, из которого, в свою очередь, развивается понятие нейтрализации.

Но хотя Трубецкой и очень детально разобрал эту тему, создал классификацию оппозиций и нейтрализации, не все его методы применимы к оппозициям на более сложных и комплексных языковых уровнях. Больше всего это касается именно синтаксического уровня, так как если попытаться классифицировать оппозиции по методу Трубецкого в синтаксисе, то окажется, что все не так просто и для такого сигнификативного языкового уровня необходимо что-то другое. Отсюда и исходит потребность в дальнейшем

изучении явления оппозиции и нейтрализации. Эти идеи еще очень свежи и разрабатываются лингвистами и по сей день. Особенно оппозитивные отношения и нейтрализация в синтаксисе.

Последние детальные работы на эту тему были в конце 20 века, одна из них это работа Бузарова «О нейтрализации на синтаксическом уровне» в сборнике «Вопросы языкознания» 1984 года, где было дано развернутое понятие нейтрализации в синтаксисе, и именно на нее мы и опирались в своей работе.

Исходя из вышесказанного, можно отметить актуальность исследования, которая проявляется в том, что рассматриваемое явление описано недостаточно широко и требует дальнейших исследований.

Наряду с вышеизложенной актуальностью и значимостью выбранной темы был определен **объект** исследования – нейтрализация оппозитивных отношений в синтаксисе современного английского языка.

Предметом являются особенности оппозитивных отношений и их нейтрализации в синтаксисе современного английского языка, не присущие другим языковым системам.

Цель: выявление и объяснение этих особенностей.

Задачи исследования следующие:

1. Анализ источников по данному вопросу;
2. Изучение теории оппозиции и нейтрализации;
3. Изучение особенностей нейтрализации оппозитивных отношений в синтаксисе современного английского языка.

Методы исследования: описательный и сравнительный. Изучение и анализ научной литературы и опыта ученых по проблеме нейтрализации синтаксической оппозиции.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Во введении сформулированы актуальность проблемы, объект, предмет, цель, задачи и методы исследования. В первой главе описываются основы синтаксиса, теория оппозиции, сущность общего ее понятия и нейтрализация оппозиций. Во

второй главе на конкретных примерах описывается нейтрализация разного рода оппозиций в синтаксисе современного английского языка. В заключении представлены выводы по результатам исследования. Курсовая работа включает в себя 58 страниц. Список литературы представлен 30 источниками.

Глава I. Теория оппозиции, нейтрализации и синтаксиса

1.1 Синтаксис

Информация, которая передается в речи, распределяется между различными структурными элементами языка. Согласно мнению А.А. Реформатского, «одну информационную «нагрузку» несут фонемы, эти самые мелкие «кирпичи» высказываний, его распознавательные знаки, другую – морфемы, это не «кирпичи», а первичные «блоки», обладающие уже своим значением, третью – слова, более крупные «блоки», существующие для названия явлений действительности, но все эти единицы пока что не могут образовать собственно высказывания, сообщения. Что же в языке позволяет ему выполнять его главнейшую роль – функцию общения? Это синтаксис» (Реформатский, 1996: 172).

Зачастую термином «синтаксис» недифференцированно обозначают как сам синтаксический строй конкретного языка, существующий вне и независимо от нашего сознания, так и учение о синтаксическом строе языка в целом – известный раздел языкознания.

Простыми словами, синтаксис – это раздел лингвистики, который изучает функциональное взаимодействие частей речи в словосочетаниях и предложениях. Бывает также и синтаксис текста, но в этой работе мы не будем выходить на такой макроуровень этого раздела языкознания. В качестве предмета можно выделить и предложения как таковые и сочетания слов, входящие в состав предложений. Синтаксис изучает как правила сочетания, так и правила построения сочетаний предложения.

Раньше синтаксис как раздел грамматики в целом делили на две части: учение о способах грамматического соединения слов, или учение о словосочетаниях, и учение об образовании предложения. Сейчас уже можно говорить и о синтаксисе текста, и о синтаксической семантике (семантике текста в том числе). Мы же в свою очередь более всего будем говорить именно

о предложении, так как объем данной работы не позволяет продолжить анализ за пределами предложения.

Общепринятым является разделение предложений на простые и сложные, а сложные предложения, в свою очередь, делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

По мнению Л. Блумфильда и Ч. Фриза предложение как отдельная единица коммуникации синтаксически автономно. Тем самым предложение является грамматически замкнутой структурой, характеризующейся только внутренними синтаксическими связями. Кроме того, онтологически важным признаком предложения является его неделимость, интонационная и грамматическая законченность со стороны реализации необходимых синтаксических связей, сочетаемости его компонентов. (Иофлик, 1972: 8)

Именно при помощи этих критериев можно отделить предложения от сходных по структуре сочетаний слов, не обладающих этими признаками (например, от зависимых или вводных предикативных сочетаний), и также отграничить предложения, действительно обладающие полипредикативной структурой, от традиционного сложносочиненного предложения, представляющего собой пунктуационное объединение двух или более синтаксически автономных предложений, так как традиционная пунктуация, как было показано в ряде работ, не всегда является надежным показателем границы предложения.

Иначе говоря, для образования предложения не требуется никаких определенных грамматических форм или определенных категорий слов; служебные слова, как известно, обычно не выступают отдельно от полнозначных слов, но даже они в особых случаях могут использоваться в речи в качестве однословных предложений: ср., например, *"What is the definite article?" "The."* И эта простота образования предложений подобного типа непосредственно обусловлена тем, что формулы построения предложений являются комплексными интонационно-строевыми единицами, или, иначе говоря, тем, что предложения, как подлинные произведения речи, характеризуются двухлинейностью. (Смирницкий, 1957: 48)

Понятие парадигмы предложения, которое возникло в языкознании в начале 60-х годов и быстро получило признание как отечественных, так и зарубежных лингвистов, позволяет представить себе предложение объемно, – как систему связанных оппозитивными отношениями грамматических форм предложения, в которых реализуется одна и та же модель предложения. Грамматические формы предложения противопоставляются друг другу по цели высказывания, по утвердительности/отрицательности, по модальности и образуют многомерную систему оппозиций, т.е. нечто качественно совершенно новое, чем разрозненные «типы» и «виды» предложений, как они представлялись в традиционной грамматике.

В свое время такие лингвисты, как Н. Ю. Шведова, Е. А. Седельников, П. Адамц и В. Грабе в параллель к давно укоренившемуся в языкознании понятию формы слова ввели в теорию синтаксической парадигматики понятие формы предложения и утверждали, что форма предложения есть такая же языковая реальность, как и форма слова. Если принять понятие формы предложения, то нельзя не принять и тех условий, которые из этого вытекают и которые помогают более определенно разграничить контуры парадигмы предложения. Формами предложения, которые в своей совокупности составляют парадигму предложения, могут, естественно, считаться лишь те модификации структуры предложения, которые не нарушают ее тождества. Границей же тождества предложения является его структурная модель, и все модификации предложения, включаемые в парадигму предложения, должны протекать в рамках надлежащей модели предложения. Если мы принимаем это положение, то исключаем из возможных членов парадигмы разноструктурные синонимы, как, например: *после того как приехал – приехав, студенты читают книгу – читающие книгу студенты, мальчик послал письмо другу – мальчик написал другу* и т.д. Необходимо понимать, что с виду кажущаяся разница в предложениях не говорит об оппозитивных отношениях между ними. (Москальская, 1974: 102)

Вообще, когда мы применяем термин оппозиции в отношении предложения, она принимает несколько иную форму, нежели оппозиции морфологии или фонологии.

1.2 Теория оппозиции

Для лингвистических работы XX века был характерен возросший интерес к изучению языка в целом, равно как и его подсистем, в его функционировании для отражения реальности. Одной из таких определяющих тенденций является экстраполяция результатов разработок в некоторой узкой области на другие уровни языковой системы.

Идея взаимной соотносительности, противопоставленности грамматических единиц существует с самого начала формирования грамматики в качестве отдельной научной дисциплины. Полное же ее осознание и повсеместное распространение центральной роли понятия «оппозиция», в том числе и «грамматическая оппозиция», связано в первую очередь с концепцией языка как системы знаков, родоначальником которой был Фердинанд де Соссюр.

Прежде всего, понятие «оппозиция» было применено к фонологии, как и понятие «нейтрализация» – обусловленное позицией устранение противопоставления элементов языковой структуры – первым которое ввел Николай Сергеевич Трубецкой в своей фонологической концепции. Например, нейтрализация фонологических оппозиций по звонкости/глухости представляет собой оглушение звонкого согласного в определенной позиции (например, в конце слова), ср. русск.: *под* и *пот* >[пот]; *луг* и *лук* >[лук]; нем.: *Rad* (колесо) и *Rat* (совет) >[rat]; *Weg* (дорога) и *Weck* (булка) >[wek]. Иначе говоря, в данном случае оппозиция звонких и глухих здесь больше не функционирует. Звонкие звуки фонетически совпадают с соответствующими глухими, выступая в позиции нейтрализации, поэтому говорящие не различают их в реальной речи. Лингвисты довольно быстро поняли, что понятия применимы ко всем языковым уровням, и более того, на них по сути основан структурный анализ и

структурные отношения языка. Трубецкой в своей работе «Основы фонологии» говорил не о просто оппозициях фонем, а о фразоразличительном просодическом противополжении.

Просодические признаки служат не только для дифференциации значения слов, но и для различения значения целых словосочетаний и фраз, тогда как различительные признаки гласных и согласных используются лишь для различения слов. Эту функцию выполняют мелодика (интонация), изменения регистра, фразовое ударения и паузы. (Трубецкой, 2000: 234)

Понятие «оппозиция» – одно из основных понятий структурно-функциональной концепции, рассматривающей язык как систему взаимоотнопротивопоставленных элементов, на которую, в свою очередь, и оказал большое влияние Ф. де Соссюр, так как понимание языка как знаковой системы с четко выделяемыми структурными элементами и стремление к строгому описанию языка как раз лежало в основе совокупности воззрений на язык и методов его исследования структурной лингвистики.

Среди структурных отношений наиболее часто используют следующие виды, путем комбинирования из которых можно получить и некоторые более сложные виды отношений, например, парадигматические и синтагматические и другие, им подобные (Серебренников, 1972: 167).

Помимо перечисленных отношений и более сложных (совокупных) отношений, базирующихся на их основе, иногда используется и ряд других, например, различные «физические отношения», «статистические отношения», а также различные типы отношений, которые лингвистика заимствовала из математической логики, кибернетики и теории множеств.

На любом этапе фонологического описания (а сегодня и при анализе всех языковых уровней и описании грамматики языка) исследователь сталкивается с двумя фундаментальными типами отношений: отношения *тождества* и *различия* (в других терминах, отношения контраста и противопоставленности, *оппозитивности*). Две вещи могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг другу, иными словами, лишь постольку, поскольку между ними существует отношение противополжения, или

оппозиции. Следовательно, признак звука может приобрести смыслоразличительную функцию, если он противопоставлен другому признаку, иными словами, если он является членом звуковой оппозиции (в случае с фонологией). Это называется *фонологической оппозицией*. (Трубецкой, 1960: 38)

Отношение различия, которые послужили основанием для первых фонологических теорий, стало предметом систематического исследования и дискуссий, и для изучения его различными школами был создан специальный понятийный аппарат. В системе Трубецкого понятие оппозиции используется для наименования парадигматического противопоставления. Позднее в направлениях, близких к Пражской лингвистической школе, закрепилось два термина «*оппозиция*» и «*контраст*» для обозначения двух видов противопоставлений: парадигматических и синтагматических. Т. В. Булыгина определяет *оппозицию*, как отношения между двумя такими единицами системы, которые взаимно исключают друг друга в некоторой точке высказывания, или – иначе – отношение между двумя единицами, входящими в один парадигматический класс; *контраст* же она определяет как отношение между одновременно сосуществующими элементами текста или – иначе – отношение между различными классами, образуемыми единицами, способными вступать в определенные сочетания. (Булыгина, 1968: 175)

Однако если разобраться, то становится ясно, что это понятие применимо только в случаях действительно бинарной оппозиции. В случаях трехчленной же оппозиции оно принимает довольно размытое, неточное значение.

В общем, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что из всех видов языковых отношений оппозиционные отношения стали предметом пристального изучения лингвистов. Было предложено несколько видов классификаций оппозиции фонем, проводимых по различным основаниям.

Одной из характерных черт корреляций (и оппозиции в узком смысле слова), в отличие от других типов оппозиций, согласно концепции пражцев, является неравноправность ее членов, для выражения которой было выдвинуто понятие «маркированности/немаркированности». (Булыгина, 1968: 219)

«Два члена коррелятивного противопоставления не являются равноправными», – пишет Н. С. Трубецкой, – «один член обладает определенным признаком (или обладает им в его положительной форме), другой им не обладает (или обладает им в отрицательной форме). Мы обозначаем первый член как маркированный, второй – как немаркированный». (Трубецкой, 1958: 93)

Термин «маркированность», введенный пражцами, вошел в метаязыки различных фонологических школ, обозначая примерно один и тот же круг явлений. Однако конкретное содержание, вкладываемое в это понятие различными исследователями, может варьироваться в зависимости от некоторых исходных теоретических представлений (в основном от принципов техники записи фонологических признаков). Так, немаркированность может интерпретироваться: 1) как *отрицательное значение признака*, например, в корреляции /п/ – /б/, где признак «звонкости/глухости» в первом терме оппозиции представлен в виде своего отрицательного значения (—), а во втором терме – в виде положительного значения (+), маркированным членом корреляции считается фонема /б/, обладающая маркирующим значение признака, через посредство которого данная фонема входит в оппозицию.

Обозначение понятия немаркированности как невыраженности признака было мало популярно в фонологии, поэтому за толкование приняли немаркированность как отсутствие признака. При такой трактовке понятия немаркированности определение немаркированного члена в оппозиции сводится к задаче приписывания единице отрицательного значения оппозитивного признака. (Шаумян, 1962: 194)

В качестве критерия для определения маркированности обычно используется выдвинутый Н. С. Трубецким критерий нейтрализации. Так, например, согласно данному критерию, немаркированным членом оппозиции «глухости/звонкости» /п/ – /б/ в русском языке считается /п/ на том основании, что реализация архифонемы /П/ в позиции нейтрализации совпадает с реализацией соответствующей глухой фонемы /п/ в позиции релевантности. (Трубецкой, 1960: 256)

Т. В. Булыгина в своей работе, специально посвященной иерархии членов фонологической оппозиции проанализировала указанный критерий Трубецкого и обнаружила ряд противоречий между исходными теоретическими предпосылками, принимаемыми Трубецким для определения немаркированности, и общей фонологической и лингвистической концепцией Трубецкого. Она также отметила ряд непоследовательностей, возникающих при применении данного критерия к анализу конкретных языковых фактов, и предложила использовать для определения иерархии членов фонологической оппозиции принцип учета возможностей реализаций фонем. Так, в соответствии с данным критерием в русском языке глухие согласные /т/ или /п/ будут трактоваться как маркированные по признаку «звонкости/глухости», а звонкие /д/ или /б/ как немаркированные (т.е. как «неглухие») на том основании, что «реальная звонкость (или глухость) фонем /д/ или /б/ не является необходимым элементом их манифестации во всех позициях, в то время как соответствующие глухие фонемы реализуются как глухие во всех положениях, в том числе и в позиции системно обусловленной нейтрализации». (Серебренников, 1972: 176)

К. Базель утверждал, что понятие маркированности применительно к фонемам излишне, поскольку «оппозиции первоначально устанавливаются между различительными признаками, а не между фонемами», а применительно к фонологическим признакам – полупротиворечиво, поскольку «маркой» является сам признак (точнее, признак в его положительном значении). (Серебренников, 1972: 180)

В основе лингвистической экстраполяции понятия оппозиции на другие уровни языка лежит тезис об изоморфизме языковых единиц независимо от уровня, к которому они принадлежат. Несомненно, было бы неверно учитывать качественного различия между уровнем фонем и уровнями значимых единиц и искать в отношениях между единицами этих уровней абсолютные аналогии, механически перенося понятия фонологической системы на другие, несравненно более сложные области внутренней структуры языка. Однако неоспорим тот факт, что в известных пределах изоморфные отношения

языковых единиц пронизывают язык по «вертикали» снизу доверху, затрагивая иногда несколько уровней сразу и обеспечивая тем самым целостность и симметрию всей системы. (Макаев, 1961: 50)

Признавая тезис о системности языка, нельзя не согласиться с тем, что лингвистический статус той или иной категории определяется наличием выбора, по крайней мере между двумя опциями (чем, собственно, и обусловлено существование оппозиции) и что поэтому «язык не имеет тонов, если он не различает хотя бы двух из них, например, восходящего и нисходящего; сказать, что язык имеет только один тон, равносильно тому, чтобы утверждать, что в этом языке нет тонов» (А. Martinet. *Linguistique synchronique*).

Каркасом работы Николая Сергеевича Трубецкого «Основы фонологии» и его фонологической концепции в целом была классификация оппозиций, в которой он описал и систематизировал все типы фонологической оппозиции и методы их классификации.

1.3 Классификация оппозиций

Как отмечалось выше, центральным пунктом фонологической концепции Н.С. Трубецкого является понятие фонологической оппозиции, иными словами, системного противопоставления фонем на основе наличия у них интегральных (общих) и дифференциальных (различительных) характеристик, существенных для представления о них как некоторых общих для всех носителей данного языка практических представлений о звуках речи. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком никак не могут быть противопоставлены друг другу. (Трубецкой, 1958: 74)

По отношению к системе оппозиций в целом различаются *многомерные* и *одномерные*, *изолированные* и *пропорциональные* оппозиции. В таких системах противопоставлений, как фонологическая система, следует различать одномерные и многомерные оппозиции. В одномерных оппозициях совокупность общих признаков характерна только для этих двух членов

оппозиции, и в пределах той же системы другие члены набором таких признаков не обладают. Во многомерных оппозициях все или большинство членов таких оппозиций обладают этими признаками. Например, звуки русского языка *б* и *п*, *д* и *т*, *з* и *к* имеют некоторые общие признаки – это шумные согласные, смычные, и эта совокупность признаков является основой их идентификации как членов единой многомерной оппозиции смычных согласных.

Различение одномерных и многомерных оппозиций имеет исключительное значение для общей теории оппозиций. Оно может быть обнаружено в любой оппозитивной системе.

Многомерные оппозиции, в свою очередь, делятся на гомогенные (однородные) и гетерогенные (неоднородные). Члены однородных многомерных оппозиций можно представить в качестве крайних «цепочек» из одномерных оппозиций. Так, например, оппозиция *и* – *е* в немецком языке многомерна: общим для обеих фонем является лишь то, что они гласные; но этот признак не ограничивается только названными двумя фонемами, он присущ еще целому ряду фонем немецкого языка (точнее – всем гласным). Однако члены данной оппозиции *и* и *е* можно представить как крайние точки «цепочки» *и* – *о*, *о* – *ö*, *ö* – *е*, которая состоит из одномерных оппозиций: в системе гласных немецкого языка *и* и *о* являются единственными лабиализованными гласными заднего ряда, *о* и *ö* – единственными лабиализованными гласными среднего подъема, *ö* и *е* – единственными гласными переднего ряда среднего подъема. Следовательно, оппозиция *и* – *е* является однородной. Однородной является также многомерная оппозиция *х* – *η* в системе согласных немецкого языка: ее можно вытянуть в цепочку одномерных оппозиций *х* – *к*, *к* – *г*, *г* – *η*. В противоположность этому многомерная оппозиция *р* – *т* является неоднородной, так как в промежутке между *р* и *т* нельзя представить себе ни одного члена, который составлял бы с этими фонемами одномерную оппозицию. Совершенно очевидно, что в совокупной фонологической системе любого языка неоднородные многомерные оппозиции должны быть многочисленнее однородных. Однако для определения

фонологического содержания фонемы, а следовательно, и для общей структуры фонологической системы однородные оппозиции очень важны.

В зависимости от того, какую цепную связь можно установить между членами оппозиции, выделяются два типа однородных многомерных оппозиций: *прямолинейные* и *непрямолинейные*: связь помощью одной «цепочки» одномерных оппозиций или с помощью ряда «цепочек». Так, в приведенных выше примерах оппозиция $x - \eta$ прямолинейная, так как в рамках немецкой фонологической системы мыслима только одна «цепочка» $x - k - g - \eta$. В отличие от этого оппозиция $u - e$ является непрямолинейной, так как «путь», ведущий от u к e в рамках немецкой фонологической системы можно представить в виде ряда «цепочек» из одномерных оппозиций ($u - o - \ddot{o} - e$, или $u - \ddot{u} - \ddot{o} - e$, или $u - \ddot{u} - I - e$, или $u - o - a - \ddot{a} - e$).

Деление, однако, на однородные – неоднородные и прямолинейные – непрямолинейные оппозиции в случае с синтаксисом кажется ущемленным, так как в системе синтаксиса сложно выделить как таковые оппозиционные «цепочки».

Наряду с различием одномерных и многомерных оппозиций в равной степени существенно и различие *пропорциональных* и *изолированных* оппозиций. Пропорциональная оппозиция – это оппозиция, в которой отношение между ее членами равнозначно отношению между членами какой-либо другой оппозиции (или ряда других оппозиций) в рамках той же самой фонологической системы. Так, например, оппозиция $p - b$ в немецком языке пропорциональна, поскольку отношение между p и b является тождественным отношению между t и d или между k и g . Наоборот, оппозиция $p - \check{s}$ является изолированной, поскольку в немецкой фонологической системе нет другой пары фонем, члены которой находились бы в таких же отношениях, как p и \check{s} . (Трубецкой, 1960: 74)

Благодаря различным типам оппозиций достигается внутренняя упорядоченность или структурность языковой системы.

Одномерность или многомерность оппозиции зависит от того, свойственно ли то, что является общим у членов данной оппозиции, лишь этим

членам или же оно присуще и другим членам той же системы. От того же, повторяется или нет то же отношение и в других оппозициях той же системы зависит пропорциональный или изолированный характер оппозиции.

По градации наличия или отсутствия признака, или по степени выраженности признака различают *привативные* и *градуальные* оппозиции.

Привативные оппозиции – это оппозиции с наличием признака у одного члена оппозиции, тогда как у другого этот признак отсутствует, например «звонкий – незвонкий», «лабиализованный – нелабиализованный» и так далее. «Маркированным» называется член оппозиции, у которого наличествует признак, «немаркированным» – член оппозиции, у которого признак отсутствует.

Для градуальной (ступенчатой) оппозиции, характерной чертой является различная степень выраженности или градация одного и того же признака; например, оппозиция между двумя различными степенями высоты тона. Член оппозиции, которому присуще наличие крайней (минимальной или максимальной) степени данного признака, называется крайним или внешним; прочие члены являются средними.

Если оба члена оппозиции логически равноправны, то такая оппозиция называется *эквиполентной (равнозначной)*, то есть ее члены не являются ни двумя степенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. Таковы, например, немецкие $p - t, f - k$ и т.д.

Любая, например, фонологическая оппозиция, взятая изолированно, т.е. в отрыве от контекста фонологической системы и в отрыве от функционирования этой системы, является одновременно и эквиполентной и градуальной.

Если члены оппозиции в какой-то момент утрачивают признаки различия и могут свободно взаимозаменять друг друга, то такая оппозиция называется *нейтрализуемой*, а положения, в которых возникает нейтрализация, мы называем *положениями* или *позициями нейтрализации*; положения же, в которых позиция сохраняет свою значимость и не нейтрализуется, – *положениями* или *позициями релевантности*.

Во французском языке *e* и *ɛ* как члены фонологической оппозиции возможны лишь в открытом исходе слова (*les – lait, allez – allait*); во всех прочих положениях наличие *e* или *ɛ* механически регулируется правилом: в закрытом слоге – *ɛ*, в открытом *e*; следовательно, данные гласные надо определять как две фонемы лишь в открытом исходе слова, во всех остальных положениях их следует рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы. Это значит, что во французском языке фонологическое противоположение в известных положениях *нейтрализуется*.

Поддаются нейтрализации далеко не все виды оппозиции. В тех положениях, где способные к нейтрализации противоположения действительно нейтрализуются, специфические признаки членов такого противоположения теряются, а в качестве действительных признаков остаются только признаки, являющиеся общими для обоих членов оппозиции.

И если фонологическая теория предполагает строго ограниченный набор вероятных нейтрализаций, которые обусловлены системой языка на определенном этапе его развития, то в фоносемантике наблюдается достаточно размытая ситуация. Подобное, очевидно, обусловлено не только двусторонней сущностью основных фоносемантических единиц, но и тем, что звукоизобразительное значение весьма специфично, может быть охарактеризовано путем перечисления оценочных признаков, получает синестетическое развитие, обусловленное наличием у звуко-символических элементов ингерентных способностей к изображению признаков, предметов и состояний окружающей действительности.

Тем временем, В.В. Левицкий, выделяет и называет фоносемантические противопоставления и предлагает отграничивать их от классических фонологических оппозиций, именуемых им коммуникативными, утверждая следующее: «Звуковой символизм имеет не абсолютный, а относительный характер (определенные звуки имеют символическое значение лишь постольку, поскольку им противопоставлены какие-либо другие звуки». (Левицкий, 1998: 52)

Это говорит нам о том, что звукоизобразительное значение обусловлено парадигматически, и если противопоставление между фонемотипами снимается, или нивелируется, то звукоизобразительное значение исчезает. Однако с подобным выводом трудно согласиться.

Безусловно, то, что сказал В. В. Левицкий, актуально, если принимать во внимание звуко-символическое соответствие на уровне фонетических признаков, определяемое посредством полюсов семантических шкал (субъективный символизм). Не вызывает сомнений и тот факт, что гласные символизируют свое значение через оппозиции в вокалическом треугольнике (треугольная модель фонем), а артикуляционно-символическое значение согласных проявляется через противопоставление по месту и способу образования. Все вышеизложенное ровно также применимо и к звуко-символическим комплексам. Действительно, в ситуации автономного анализа ассоциативной связи фонетических признаков звукобукв или собственно звукотипов языка и присущего им символического значения говорить о возможности их нейтрализации не приходится. Снятие противопоставления становится возможным только в определенном языковом окружении, в частности, в процессе комбинации фонемотипов в морфемотип (формальная синтагматика) и соединения их звуко-символических значений (семантическая синтагматика). Такая нейтрализация происходит только в границах звукового облика слова, ведь определенные звуки или их сочетания в отрыве от цельного слова сами по себе, очевидно, не могут обладать звуко-символическим значением.

Традиционно принято выделять два типа нейтрализации. Первые возникают вследствие определенного окружения и обусловлены контекстом, объем которого различается в зависимости от того, на каком ярусе языковой системы обнаруживается нейтрализация. Тип нейтрализации, обусловленный контекстом, позволяет определить структурные отношения между нейтрализующимися единицами и элементами с элементами и единицами, которые создают контекст. Вторую разновидность представляют структурные нейтрализации, возникающие независимо от языкового окружения, а обусловленные определенным положением элементов и единиц в структуре

яруса. Привативным оппозициям, один из членов которых является маркированным, а значит обладает специфическим признаком, а второй, немаркированный, этим признаком не обладает, характерна нейтрализация, обусловленная неконтекстными факторами, которые определяют внутреннюю структуру оппозиции.

Оба типа нейтрализации можно обнаружить в звукоизобразительной системе языка, например, в процессе включения того или иного фонемотипа в состав морфемотипа в качестве финали можно наблюдать контекстную нейтрализацию. В случае, если инициалью разных морфемотипов выступает один фонемотип, а финалью – разные, то происходит полная или частичная нейтрализация финали. Так, морфемотип «спирант-гуттуральный» имеет следующие звукоизобразительные значения – *скрести, резать, рубить, скользить, бить, стегать, прыгать; звукоподражание*, а морфемотип «спирант - дентальный» – *резать, бить, колоть, сжимать, ставить, твердый; звукоподражание*. Звукоизобразительное значение фонемотипа «гуттуральный» следующее: *глотать, гортань, горловая деятельность* и в том числе пейоративное значение, связанное с негативным аспектом горловой деятельности – рвотным рефлексом. Звукоизобразительное значение фонемотипа «дентальный», соответственно – *твердость, преграда, протыкать, напряжение, давление*. Очевидно, что звукосимволическое значение финали для морфемотипа в целом весьма не существенно. В связи с этим было бы крайне интересно оценить степень влияния артикуляционно-символического значения гласных, которое ограничено представлено в общей семантике морфемотипа, но решающей роли не играет. Перспективным может быть исследование звукосимволического потенциала гласных и особенностей его реализации в звуковом облике слова.

Что касается нейтрализаций, обусловленных неконтекстными факторами, то здесь можно говорить, в первую очередь, о сигнификативной нейтрализации при условии сохранения формального противопоставления.

Так, разные фонетические признаки обнаруживают соответствие на одном из полюсов семантической шкалы. План звукосимволического

содержания таких элементов совпадает, а форма различается: например, понятие «маленький» символизируется такими фонетическими признаками, как передний ряд, верхний подъем, глухость, сонорность, палатализованность; понятие «мокрый» - такими признаками, как латеральность, сонорность, переднеязычность. Во-вторых, может иметь место и формальная нейтрализация (нулевая оппозиция) при наличии семантического противопоставления. В этом положении находятся фонетические признаки, план выражения которых тождественен, а звуко-символические соответствия не совпадают: например, такой фонетический признак, как «верхний подъем», ар-тикуляционно-символически связан с некоррелируемыми понятиями «маленький» и «быстрый».

Выше были затронуты два разных типа нейтрализации. Давайте же теперь перейдем к более подробному их рассмотрению.

1.4 Типы нейтрализации

Как уже было сказано, прежде всего, необходимо различать два типа нейтрализации: нейтрализацию, обусловленную контекстом, и нейтрализацию, обусловленную структурой; первая возникает в зависимости от окружающих фонем определенного рода (либо в зависимости от плана выражения в случае с предложением), вторая – независимо от них, но в зависимости от определенного положения в слове. Кроме того, следует различать *регрессивную* и *прогрессивную* нейтрализации в зависимости от того, где нейтрализация происходит: после «чего-то» или перед «чем-то». Эта классификация, однако, не является исчерпывающей, поскольку иногда нейтрализация оказывается как регрессивной, так и прогрессивной или же ни той и ни другой.

Синтаксические оппозиции могут выделяться на основе различных признаков – коммуникативной целенаправленности, структуры предложения, видов синтаксической связи и т.п., которые иногда перекрещиваются.

Современная синтаксическая наука считает основным типом оппозиции в синтаксисе трехчленную оппозицию, образуемую противопоставлением трех

коммуникативных видов предложения: *повествовательное предложение – вопросительное предложение – побудительное предложение*. В соответствии с принципом «бинаризма» внутри этого трехчленного противопоставления обычно выделяются различные двучленные оппозиции: *непобудительное предложение – побудительное предложение* или *невопросительное предложение – вопросительное предложение* и т.п. с дальнейшим разделением первого противочлена. (Бузаров, 1984: 118)

Типы нейтрализации, обусловленной контекстом

Нейтрализация, обусловленная контекстом, распадается на *диссимилятивную* и *ассимилятивную* в зависимости от того, расподобляются или уподобляются определенные фонемы в отношении релевантности тому или иному признаку «контекстной фонемы». Так как в этом случае все сводится, как правило, к утрате определенного фонологического признака, то становится ясно, что диссимилятивная нейтрализация имеет место только рядом с такими фонемами, которые обладают данным признаком, а ассимилятивная нейтрализация только рядом с такими фонемами, у которых этот признак отсутствует.

А. Диссимилятивная нейтрализация

В диссимилятивной нейтрализации «контекстные фонемы» могут, рядом с которыми происходит нейтрализация фонологической оппозиции, иметь либо сам данный фонологический признак, либо только признак фонологически ему родственный. Далее контекстная фонема может обладать данным (или родственным ему) признаком либо только положительно, либо как положительно, так и отрицательно; это значит, что нейтрализация может стоять по соседству либо только с маркированным, либо как с маркированным, так и с немаркированным членом той же самой или родственной ей (привативной) оппозиции.

Исходя из вышесказанного можно выделить четыре типа диссимилятивной оппозиции:

а) Нейтрализация фонологической оппозиции происходит рядом с обоими членами этой же самой оппозиции. Во французском языке перед всеми гласными происходит нейтрализация оппозиции назализованных и неназализованных гласных.

б) Фонологическая оппозиция нейтрализуется рядом с маркированным членом этой оппозиции, сохраняясь, однако, рядом с немаркированным членом. Редкий пример подобной нейтрализации мы можем наблюдать в санскрите: противоположение дентального и «церебрального» *n* нейтрализуется здесь после церебрального *s* (причем не только в непосредственном соседстве с *s*, но и в том случае, когда *s* отделено промежуточным гласным, лабиальным или гуттуральным согласным), но сохраняется не только после нецеребрального *s*, но и после других церебральных согласных.

в) Фонологическая оппозиция нейтрализуется рядом с обоими членами родственной фонологической оппозиции. «Родство» при этом вытекает из изложения выше систематики фонологических оппозиций. Примером может служить лезгинский, где противоположение лабиализованных и нелабиализованных согласных нейтрализуется как перед, так и после узких (*и, й, і*), поскольку эти гласные являются членами тембровой оппозиции «лабиальный – нелабиальный», тогда как широкие *а, е* в этой оппозиции участия не принимают.

г) Фонологическая оппозиция нейтрализуется рядом с маркированным членом родственной оппозиции, сохраняя свою фонологическую значимость рядом с немаркированным членом этой оппозиции. Примером могут служить японский, литовский и (восточно)болгарский, где противоположение палатализованных и непалатализованных согласных фонологически имеет значение лишь перед гласными заднего ряда и нейтрализуется перед гласными переднего.

Б. Ассимилятивная нейтрализация

При ассимилятивной контекстно-обусловленной нейтрализации члены оппозиции теряют тот признак, на основании которого они противопоставляются по соседству с такими фонемами, у которых этот признак отсутствует. Так, например, в восточном марийском противоположение глухих смычных ($p, t, k, c, \check{c}, \acute{c}$) и звонких спирантов ($\beta, \delta, \gamma, \check{z}, \acute{z}$) нейтрализуется после (причем в качестве представителя архифонемы выступают особые, возможные только в данном положении звонкие смычные $b, d, g, ʒ, ʒ'$). Ведь носовые не являются ни глухими, ни спирантами и не обладают, таким образом, теми признаками, которые характерны для оппозиций шумных согласных марийского языка.

В случае ассимилятивной нейтрализации, члены нейтрализуемой оппозиции должны иметь какие-то общие черты к контекстной фонемой. Степень раствора является специфическим признаком гласного, от которого устанавливается зависимость, реализуемая в различных языках по-разному, где это повсеместно сказывается на характере звукового строя

Описание вокализма строится из четырех параметров: тона, ударения, количества и качества гласного (степени раствора речевого канала и характера артикуляции звуков). (Сова, 2013: 69)

При рассмотрении вокализма английского языка можно заметить, что для полноартикулируемых гласных фонем «современного английского языка» характерным является фонологическое противоположение центробежного и центростремительного направлений полной артикуляции. Эта специфическая вокалическая оппозиция нейтрализуется перед r : из всех английских согласных r ближе всего стоит к гласным, будучи при этом лишено специфических вокалических признаков: способа примыкания и направленности полной артикуляции.

В. Ассимилятивно-диссимилятивная нейтрализация, обусловленная контекстом

Под ассимилятивно-диссимилятивной нейтрализацией, обусловленной контекстом, понимается любое сочетание ассимилятивной и диссимилятивной нейтрализации. Если, например, в болгарском, литовском и полабском противоположение палатализованных и непалатализованных согласных нейтрализуется в положении перед всеми согласными, то здесь имеет место ассимилятивно-диссимилятивная нейтрализация, обусловленная контекстом, так как перед теми согласными, которые сами являются членами корреляции палатализации, нейтрализация этой корреляции является, очевидно, диссимилятивной; перед теми же согласными, которые не принимают участия в корреляции палатализации, нейтрализация этой корреляции является ассимилятивной.

Типы нейтрализации, обусловленные структурой

Нейтрализация, обусловленная структурой, может быть центробежной и редуктивной.

А. Центробежная нейтрализация

При *центробежной* нейтрализации фонологическая оппозиция нейтрализуется на границах слова или морфемы, то есть либо только в начале слова, либо только в его исходе, либо и в начале и в исходе одновременно. Так, например противоположение глухих и звонких согласных нейтрализуется в русском, польском, чешском и других – только в исходе слова, а в киргизском – как в начале, так и в исходе. В литературном немецком противоположение сильных и слабых согласных нейтрализуется в исходе слова, а противоположение двух *s* (звонкого слабого *s* и глухого сильного *s*), кроме того, в начале слова.

Б. Редуктивная нейтрализация

Фонологическое противоположение во всех слогах слова, кроме слога, который образует фонлогическую вершину слова, нейтрализуется при *редуктивном* типе нейтрализации. В большинстве случаев этот вершинный слог характеризуется «ударением» (то есть экспираторным усилением или музыкальным повышением). Отсюда можно вывести два типа:

а) Место вершинного слога является свободным, а его основной функцией является смысловоразличительная функция. В этом случае слог всегда является «ударным», иными словами, здесь налицо вершинообразующая дифференциация просодем. При этом известные фонологические оппозиции во всех безударных слогах нейтрализуются, а проявляются лишь в ударных слогах. Так, например, в южновеликорусском в безударных слогах нейтрализуется противоположение *o – a, e – i*, в болгарском и новогреческих диалектах – противоположение *o – u, e – i*. Во всех этих случаях нейтрализация осуществляется в обоих направлениях – как перед, так и после ударного слога.

б) Место вершинного слога не является свободным; оно связано с границей слова; иными словами, вершина во всех словах приходится на начальный, либо на конечный слог. В этом случае известные фонологические противоположения обнаруживаются лишь в вершинном слоге, нейтрализуясь во всех прочих слогах. Во французском, например, противоположение *é* (фонетически *e*) и *è* (фонетически *ε*) выполняет смысловоразличительную функцию лишь в открытом исходе слова.

В. Центробежно-редуктивная нейтрализация, обусловленная структурой

Оба типа структурно-обусловленных нейтрализаций могут сочетаться друг с другом. В марийском языке консонантная корреляция звонкости нейтрализуется в начале слова, но наряду с этим в данном языке существует

последовательно проведенная гармония гласных, которая предполагает нейтрализацию вокалических тембровых противоположений, в непервых слогах. В приморском саамском диалекте Мааттивоно вокалистическая и консонантная корреляции геминации, а также консонантная корреляция интенсивности нейтрализуются в непервых слогах, а консонантная корреляция напряженности – в первом слоге.

Смешанные типы нейтрализации

При определенных условиях различные виды структурно-обусловленных нейтрализаций могут сочетаться с различными видами контекстно-обусловленных нейтрализаций. В сербохорватском чакавском диалекте Нови и Кастава противоположение долгих (двухмерных) и кратких (одномерных) слогоносителей нейтрализуется перед слогом с нисходящим главным ударением. Поскольку в этих диалектах нисходящее ударение является маркированным членом противоположения по движению тона и так как это противоположение имеет место только в ударных долгих слогоносителях, то здесь все сводится к нейтрализации противоположения рядом с маркированным членом родственного ему противоположения, то есть к диссимилятивной нейтрализации, обусловленной контекстом типа «г». Одновременно с этим здесь имеет место нейтрализация противоположения в безударном слоге, то есть редуکتивная структурно-обусловленная нейтрализация типа «а». В адыгейском языке противоположение максимально открытого гласного *a* и гласного среднего подъема *e* нейтрализуется в определенных положениях, причем в качестве представителя архифонемы во всех случаях выступает максимально открытое *a*. Это имеет место, во-первых, в ударном слоге, если ближайший слог содержит *e*, и, во-вторых, в начале слова, независимо от характера гласного ближайшего слога: в первом случае мы имеем диссимилятивную, обусловленную контекстом нейтрализацию типа «б», во втором случае – центробежную, структурно-обусловленную нейтрализацию. В латинском языке противоположение *u* и *o* нейтрализовалось перед носовым в

конечно слоге (в качестве архифонемы всегда выступало *и*; ср. окончания *-it*, *-unt*): здесь имело место соединение ассимилятивной нейтрализации, обусловленной контекстом, с центробежной нейтрализацией, обусловленной структурой.

1.5 Распространение теории оппозиций на другие уровни языка и их нейтрализация

Примеры оппозиции и нейтрализации из фонологии мы уже разобрали, и раз оппозитивные отношения распространяются и на другие уровни языка, давайте рассмотрим и их.

Как мы уже говорили выше, понятие «маркированности» не всегда применимо к оппозиции, иногда сложно сказать, какой из членов оппозиции является маркированным, а какой нет. В случае с фонологией все более менее понятно, но чем выше и комплекснее языковой уровень, тем сложнее определить маркированность. Морфологический уровень все еще дружит с маркированностью, но уже меньше. Взять, например, оппозицию форм лица глагола: *do* (слабый, немаркированный) – *does* (сильный, маркированный), *go* (слабый, немаркированный) – *goes* (сильный, маркированный) и т.д. Однако эквивалентные (равноправные) оппозиции могут быть выделены в плане выражения в парадигмах с супплетивными формами (противопоставление разных корней в одной парадигме), например, в соотношении форм числа и лица глагола *be*: *am – are – is (was – were)*.

Что же касается нейтрализации на морфологическом уровне, то типичным примером будет нейтрализация противопоставления множественного числа: *A table is a piece of furniture* - форма единственного числа существительного *table* не имеет значения единичности, а связана с обозначением класса объектов, т.е. их множеством. *The rose is my favorite flower* = *Roses are my favorite flowers* - единственное число, слабый член оппозиции по категории числа, используется вместо множественного числа, сильного члена оппозиции.

Транспозиция, нейтрализации, имеет место в тех случаях, когда используемая форма сохраняет отчасти собственное значение наряду с приобретаемым значением своего противочлена, и два функциональных значения объединяются. При транспозиции заместительное использование грамматической формы стилистически маркировано. Соединение двух функциональных значений и возникающая дополнительная стилистическая окраска позволяют трактовать транспозицию как грамматический механизм создания выразительности, или как своего рода грамматическую метафору. Чаще всего транспозиция происходит при использовании сильного члена оппозиции в значении, характерном для слабого члена оппозиции. Например: *the waters of the ocean, the sands of the desert* – множественное число существительного, сильный член оппозиции, используется вместо единственного числа, слабого члена оппозиции.

Или давайте рассмотрим оппозицию видового характера глаголов. На этом основании глаголы делятся на предельные, неопредельные и глаголы двойственного видового характера. Предельные глаголы — это глаголы, обозначающие такое действие, которое по достижении предела не может продолжаться, например, *to arrive, to bring, to drop, to break, to discover*. Неопредельные глаголы обозначают потенциально неопредельные процессы, т.е. процессы, внутренне не ограниченные достижением некоторого предела, например, *to sleep, to live, to belong, to enjoy*. Между этими двумя группами находится многочисленная группа глаголов двойственного характера, способных выступать в том или другом значении, в зависимости от контекста: *to laugh, to feel, to move, to walk, to look*.

В терминах теории оппозиций можно сказать, что лексическая оппозиция между предельными и неопредельными глаголами в английском языке легко подвергается нейтрализации, что делает границы между двумя видовыми группами глаголов довольно свободными, нежесткими, например: *Don't laugh – this is a serious matter* (неопредельное использование, *laugh* в значении «смеяться»); *He laughed and left the room* (предельное использование, нейтрализация, *laugh* в значении «рассмеяться»).

Также для грамматического изучения интересны случаи проявления взаимодействия грамматики и фонетики, как, например, нейтрализация грамматических показателей повествовательности предложения в результате использования не свойственной данному структурному типу предложения интонации: *'So you admit it?'*. Случаи подобного рода показывают, что в иерархии языковых средств выражения повествовательности/вопросительности фонетические показатели занимают более высокое положение по сравнению с грамматическими. Вопросительная интонация — самое «сильное» средство. Использованием лишь ее одной могут нейтрализоваться структурные признаки повествовательного предложения, и любая часть повествовательного предложения может становиться вопросительным предложением: *'I asked Helen to mark off the Spode service to me this morning.'* *Timothy became purple in the face.* *'Mark it off — mark it off? What do you mean?'* (Иванова, 1981: 169)

Вообще ситуации и контекст — могучее средство нейтрализации любых системно-языковых оппозиций, в том числе не только грамматических, но они лежат вне системы языка. Очень богат такими контекстными нейтрализациями русский язык. Например, отнесение возрастного состояния, выраженного формой творительного падежа, с равным основанием к субъекту или к объекту наблюдается в конструкции типа *я знал ее ребенком*: когда я был ребенком — когда она была ребенком. Такое возможно при переходных глаголах *знать, слышать, видеть, встретить, запомнить, полюбить* и др. и при некоторых названиях лиц по возрасту — *девочкой, крошкой, юной девушкой, старушкой, мальчиком, юношей, стариком*. В случае выраженного в предикативе пола лица — *девочка, мальчик* и т.д. — нейтрализация возникает при совпадении пола субъекта и объекта: *я знала ее девочкой; он встретил его уже стариком; но он знал ее девочкой* — уже не позиция нейтрализации. (Ермакова, 2001: 61)

Понятие нейтрализации при переносе в область синтаксиса значительно осложняется, теряя свою терминологическую однозначность, и становится весьма расплывчатым. Так что прежде чем приступать к непосредственно разбору синтаксической нейтрализации, следует уточнить, что именно под этим понимается.

Под *нейтрализацией* в *синтаксисе* понимается процесс, при котором в определенных контекстуальных условиях снимаются семантические различия между синтаксическими единицами, т.е. предложениями, входящими в один парадигматический класс, члены которого образуют бинарные оппозиции. Таким образом, непременным условием нейтрализации синтаксических оппозиций является обязательное наличие самих парадигматических оппозиций, что подпадает под контекстный тип нейтрализации, и примером может быть нейтрализация смысловозначительных признаков утверждения-отрицания. При нейтрализации один член оппозиции используется в окружении, свойственном для другого члена, что вообще свойственно нейтрализации оппозиций в синтаксисе. При этом наблюдается несовпадение планов содержания и выражения, то есть по структуре предложение является отрицательным, а смысл его — утвердительный. Мы раскроем эту тему уже в практической части дипломной работы. Нейтрализация – явление синтагматического порядка, которое происходит только в определенных контекстуальных условиях. Она реализуется лишь там, где противопоставляемые синтаксические единицы связаны оппозитивными отношениями; иначе говоря, если нет синтаксической оппозиции, то нет и возможности нейтрализации.

Выводы по главе I

Оппозиция – многогранное и комплексное понятие, прошедшее свой путь от фонологии и ныне признанное большинством лингвистов, как неотъемлемый аспект языкознания. Очень часто именно благодаря оппозитивным отношениям в языке существует какая-либо категория или какое-либо явление. Существование каких-либо языковых единиц полностью зависит от их взаимных отношений в системе. Это все очень важно для более полного анализа языка, понимания его работы, для лучшей систематизации явлений в языке. Но чтобы до конца понять оппозицию, необходимо понимать и систематизировать и явление нейтрализации на всех языковых уровнях.

Сама концепция оппозиции, однако, еще довольно молода, и лингвистам еще предстоит сформировать окончательную ее картину. Особенно это касается нейтрализации грамматической оппозиции и оппозитивных отношений в синтаксисе, которыми плотно заинтересовались только в конце XX века.

Глава II Нейтрализация синтаксических оппозиций

Как уже было сказано, нейтрализация в синтаксисе носит несколько иной характер, нежели в фонетике или морфологии. Напомним, что под *нейтрализацией в синтаксисе* понимается процесс, при котором в определенных контекстуальных условиях снимаются семантические различия между синтаксическими единицами, то есть предложениями, входящими в один парадигматический класс, члены которого образуют бинарные оппозиции.

Нейтрализация синтаксических оппозиций – явление плана содержания, которое соотносится с определенной формой выражения, или внешней формой, поскольку без формы нет содержания, но в данном случае форма по отношению к содержанию условна, а потому ущербна.

Как уже было сказано, современный синтаксис основным типом оппозиции считает трехчленную оппозицию *«повествовательное предложение – вопросительное предложение – побудительное предложение»*. От этого и будем отталкиваться далее, идя по пути от простого к более сложному и комплексному.

1.1 Утверждение и отрицание

Утверждение и отрицание – это две формы отражения действительности. По своей сущности они равноправны и каждая из них несет свой объем информации, определяет качество суждения. Утверждение сообщает, что что-то происходит, кто-то что-то делает. Отрицание же утверждает обратное, либо что что-то не соответствует действительности. Отрицание — маркированный член оппозиции, главным образом в силу формально-грамматического показателя отрицания. Тем самым категория утверждения выделяется в противопоставлении и сопоставлении с категорией отрицания, оформленной грамматическими средствами. Некоторые лингвисты рассматривают отрицание как разновидность субъективной модальности, определяющей отношение говорящего к высказываемому, как не соответствующему действительности,

как не совпадающему с действительным положением дел, не как объективную категорию, имеющую онтологический аналог, а как чисто субъективную, оценочную категорию.

Приведем конкретные примеры. Ср.: *My mother came – My mother didn't come.*

Одинаковая ситуация представлена в двух предложениях. Она может быть описана как «приход матери». Различаются они по отношению к действительности, то есть по предикативному аспекту. Признавая факт того, что утверждение и отрицание являются двумя сторонами единого целого, нельзя не отметить, что между ними есть некоторая асимметрия. Нарушение прямого и однозначного соответствия двух форм обнаруживается по общей употребительности, частотности, их сочетаемости с модальными глаголами, по их просодическим характеристикам, либо же в том, что некоторые конструкции имеют только утвердительную или, напротив, только отрицательную форму. И как уже было сказано раньше, иногда случается так, что в определенных контекстуальных условиях снимаются семантические различия между синтаксическими единицами, входящими в один парадигматический класс. Отсюда происходит нейтрализация оппозиции утверждение-отрицание.

Разберем предложение: *I can't help playing this game over and over again.* – *Я не могу перестать играть в эту игру снова и снова.*

В предложении употребляется отрицательная конструкция *can not*, однако, мы прекрасно знаем, что в этом случае она не означает отрицания. Большинство филологов и лингвистов соглашаются, с тем, что конструкция *can't help* в английском языке – не самая логическая конструкция в английском языке. Запутанное объединение слов, которое одновременно может и не может «помочь». Очевидно, что в этом случае наблюдается несовпадение планов содержания и выражения, то есть по структуре предложение является отрицательным, а смысл его – утвердительный. То же и с конструкцией *i can't but*. Грамматическая категория отрицания в этом случае служит для передачи не логического отрицания, а других значений, а именно – имплицитных.

Имплицитность – это невыход на поверхность элементов глубинной структуры. То есть реализуемые значения не получают эксплицитного выражения в составе высказывания, а передаются косвенно или подразумеваются. Истинный смысл как бы скрыт и один член оппозиции используется в окружении, свойственном для другого члена – в нашем случае утверждение используется в окружении отрицания. Эксплицитное воспринимается непосредственно, оно на поверхности. Имплицитное требует более сложного, глубокого, опосредованного процесса восприятия. Под имплицитностью понимаются типизированные языковые структуры, регулярно используемые в однотипных речевых ситуациях для передачи определенных прагматических значений, и она широко распространена в языке. Встречаются и нетипизированные мнимо-отрицательные конструкции, то есть конструкции, имплицитное значение которых вытекает из контекста и ситуации общения, а не присуще им внутренне. В мнимо-отрицательных конструкциях может имплицироваться не только утвердительное значение, но и модальные оттенки (предположение, побуждение).

Рассмотрим другие примеры:

I can't but agree – Не могу с вами не согласиться. Т.е. человек утверждает, что соглашается с «оппонентом».

In such conditions Japanese restaurants can't but please gourmands – при таких условиях японские рестораны не могут не радовать гурманов. Японские рестораны радуют гурманов.

Speaking about a daughter's success, you can't but mention her mother – Нельзя не упомянуть о матери, когда речь идет об успехах дочери. Стоит упомянуть и о матери.

You know, I can't help but see the irony in all of this – Знаешь, ничего не могу поделать, но во всем этом я вижу иронию. Он видит иронию.

I can't help wondering what someone with your credentials is doing in a place like this – Я не перестаю удивляться, что человек с подобной репутацией делает в месте, подобном этому. Он продолжает удивляться.

И так далее. Все эти предложения работают по одному и тому же принципу – грамматически выражается одно, подразумевается другое. Нейтрализация в синтаксисе часто происходит таким образом. Этот вид нейтрализации еще можно назвать «транспозиционным», поскольку происходит транспозиция синтаксической структуры предложения из сферы его грамматического значения в сферу его противочлена и сопровождается изменением интерпретации этого основного значения.

Говоря о нейтрализации оппозиции утверждение – отрицание нельзя не затронуть вопрос о взаимоотношении таких явлений как отрицание и пресуппозиция. Пресуппозиция — это совокупность имплицитных суждений, которые относятся к эксплицитному значению высказывания как условия к следствию, это круг ближайших суждений об условиях осмысленности высказываний и осуществимости обозначаемого положения дел. (Никитин, 2007: 650)

Г. Фреге считал пресуппозицией ту часть истинностного содержания языковых выражений, которая сохраняется и остается истинной при отрицании (то есть при преобразовании выражения в отрицательную форму) (Фреге, 1977: 190)

Говорить о том, что утвердительное высказывание является пресуппозицией отрицательного, будет неправильно. Давайте сравним два высказывания конструкции *if... then* (если... то), формально различающиеся наличием и отсутствием отрицания:

If the weather is not fine, we shan't go outside;

If the weather is fine, we'll go outside.

Оба высказывания в равной степени можно употребить для одной и той же ситуации. Утвердительное высказывание в данном случае не является пресуппозицией отрицательного, поскольку оно принадлежит сообщаемой информации и является поэтому семантическим следствием или импликацией отрицательного высказывания. Таким образом, можно сказать, что эти предложения нейтральны друг к другу семантически, хотя одно из них грамматически оформлено, как отрицательное:

If the boss is in a good mood, I'll get the job – If the boss is not in a bad mood, I'll get the job.

I am not going anywhere until I get my papers! – I will go when I get my papers! Здесь работает тот же принцип, так как хоть формально предложение и выглядит по-другому, семантически оно несет тот же посыл – *Если/когда/как только я получу свои документы, я уйду*. Ситуация, высказанная по-разному грамматически, имеет один и тот же семантический подтекст. При разборе сигнификативного языкового уровня, как синтаксис, очень часто происходит столкновение разных языковых уровней, как в данных примерах. (Чикурова, 1989: 42)

1.2 Вопрос – не вопрос/непобудительное предложение – побудительное предложение

Обе эти оппозиции также являются транспозиционными, но у них есть одна отличительная особенность – они обязательно сопровождаются изменением интонации транспонируемого члена.

В двучленной оппозиции *вопрос – не вопрос* из-за особой грамматической оформленности очевидным маркированным членом будет выступать вопрос. В английском языке несколько типов вопросов (общие, специальные, разделительные и т.д.), но принцип построения почти всегда один и тот же – при помощи вспомогательных глаголов и измены порядка слов:

He is from London – Is he from London? – Where is he from?

I am playing football – Am I playing football? – What is he playing/doing?

I have been to Germany once – Have you ever been to Germany?

И т.д.

Нас же интересует нейтрализация и некий особый вид вопроса в английском языке, или, как его еще называют – скрытый вопрос. Приведем пример: *You want me to go there? (Do you want me to go there?); You are not in love with me, Josh? (Are you not in love with me?); He is a doctor? (Is he a doctor?)* Все вышеизложенные предложения имеют вопросительные значения, что

является результатом транспозиции повествовательной формы предложения в сферу вопросительного, который происходит путем изменения повествовательной интонации на вопросительную. Приведем еще примеры:

You are going to London next week, John? – Are you going to London next week? (Ты собираешься в Лондон на следующей неделе, Джон?)

This is the book? – Is this the book? (Это та книга? Эта книга?)

Michael is in the garden right now? – Is Michael in the garden right now? (Майкл сейчас в саду?)

В случае нейтрализации оппозиции побуждение – не побуждение все аналогично при выражении побуждения в вопросительной форме: *Will you forgive me? – Forgive me (Простите ли вы меня? – Простите меня); Would you give me a spoon, please? – Give me a spoon, please (Не могли бы вы передать мне ложку, пожалуйста? – Передайте ложку, пожалуйста)*. Эти вопросительные по форме предложения передают побудительное значение, являясь результатом транспозиции вопроса в сферу побуждения с помощью употребления специфической побудительной интонации. Также нейтрализация побуждения наблюдается при выражении побуждения повествовательным предложением с модальным глаголом: *You are not to knock at the door when I am working – Don't knock (Не стучись в дверь, когда я работаю). You might go to the grocery store and buy some food – Please go to the grocery store and buy some food (Пожалуйста, сходи в продуктовый магазин и купи еды). You are not naughty now! – Don't be naughty now! (Не будь непослушным)*

1.3 Сочинение – подчинение

Следующий, не менее распространенный тип синтаксической оппозиции это оппозиция «сложносочиненное предложение» – «сложноподчиненное предложение», которая связана с противоположением «сочинение» – «подчинение», иначе говоря, в ее основе лежит бинарное противопоставление типов синтаксической связи.

Сочинение и подчинение, объективно существующие в языке и представляющие собой семантическую категорию, находят формальное выражение, в частности, в виде двучленной оппозиции «сложносочиненное предложение – сложноподчиненное предложение».

В сложносочиненном предложении части (клаузы) связаны на основе сочинения; с помощью сочинительных связей клаузы объединяются как единицы равные по синтаксическому рангу, т.е. равноправные. В сложноподчиненном предложении клаузы объединяются как единицы неравные по синтаксическому статусу, одна из которых подчиняет другую. Сочинению присущи стабильность, строго фиксированные позиции составляющих предикативных частей, специфическая соотносительная связь друг с другом. В сложноподчиненном предложении составляющие части неравноправны, одно из простых предложений поясняет другое. Подчинению типично наличие маркирующих подчинительных союзов *that, if, after, because, who, whose, when, where*, но может обходиться и без них; простые предложения в составе сложносочиненного могут быть соединены без союза (в таком случае они часто пишутся через точку с запятой) или сочинительными союзами *and, as well as, neither ... nor, but, not only ... but also*.

Пример сложносочиненных предложений: с союзом *I like the sports channel, but my wife prefers movies* (*Я люблю спортивные каналы, но моя жена предпочитает кино*); без союза *I saw hundreds of people on the streets, many of them looked familiar* (*Я видел сотни людей на улицах, многие показались мне знакомыми*).

Пример сложноподчиненных предложений: с союзом *Nobody likes people who think they know everything* (*Никто не любит людей, которые думают, что все знают*); без союза *I bought the book you had liked in the shop* (*Я купил книгу, которая тебе понравилась в магазине*). (Казанцева, 2015: 115)

Нейтрализация сложносочиненного и сложноподчиненного предложений происходит, когда одно сложное предложение обретает некоторые формальные признаки другого. Например, когда в «грамматическом окружении»

сложноподчиненного предложения, «скрывается» сложносочиненное предложение:

*His sense of property is extreme, **while** you have practically none (Его чувство собственника экстремально сильно, у тебя же его нет совсем);*

*His face was disturbed and troubled, **while** his clothes were disarranged and untidy (Его лицо было взбудоражено и обеспокоено, а одежда потрепана и испачкана в грязи).*

В этих предложениях союз *while* теряет свое временное значение и употребляется для выражения противопоставительных или просто сопоставительных отношений, приближаясь по значению к противительному союзу *but* или соединительному союзу *and*. По форме эти предложения сложноподчиненные, а по семантическому содержанию сложносочиненные, так как мысли, выражаемые в обеих частях этих синтаксических конструкций, самостоятельны (то есть равноправны) и только сопоставляются или противопоставляются. Можно в любой момент легко заменить в этих предложениях союз *while* союзом *and* и *but*, абсолютно не изменив их содержания, но при этом они уже станут сложносочиненными. То же самое происходит и в сложном предложении, части которого соединены союзом *when*, когда он, подобно союзу *while*, теряет свое временное значение и употребляется для выражения противительного отношения:

*Curious that Fleur should have dark eyes, **when** his own were grey (Любопытно, что у Флер, кажется, были темные глаза, тогда как у него они серые).*

*He felt sometimes that he would never have married her if he had known that she would have so many years before her, **when** he had so few (Иногда он чувствовал, что никогда бы не женился на ней, если бы знал, что у нее впереди еще столько лет, тогда как у него так мало).*

*Jessica ran away from the farm, **when** he didn't (Джессика убежала с фермы, а он нет).*

В этих предложениях мы не можем переместить вторую часть предложения с союзом *when* в начало (как, например, здесь: *She was reading a*

book when I came – When I came she was reading a book; Когда я пришел, она читала книгу – Она читала книгу, когда я пришел), что свидетельствует о сочинительном характере связи, говорящей о сопоставительных отношениях. Такое перемещение нарушило бы грамматическую правильность предложение. Конструкции *When his own were grey, curious that Fleur should gave dark eyes* или *When he head so few, he felt sometimes that he would never have married her if he head know that she would have so many years before her* являются аграмматичными. Также в этих предложениях можно свободно заменить союз *when* союзами *but* или *and*, сделав их сложносочиненными и в плане выражения и в плане содержания.

Такой же процесс нейтрализации оппозиции синтаксической связи «сочинение – подчинение» происходит в системе сложного предложения и с другими союзами, как, например, *for, though, so that, so... that* и др:

The windows were open, for it was hot (Окна были открыты из-за жары/так как было жарко).

В данном примере в сложносочиненном предложении вторая предикативная часть вводится сочинительным союзом *for*, который выражает причину первой части и который можно заменить союзом *because* или *as* не изменив общего смысла высказывания, при этом поставив вопрос *why*. Предложение *For it was hot, the windows were open* будет грамматически неотмеченным. Так что и в этом случае предложение является сложносочиненным по форме, но сложноподчиненным по семантике. Налицо случай нейтрализации.

В ряде случаев нейтрализация сочинения и подчинения происходит и в предложениях с союзом *though*:

He did not know he was doing it, though later he divined it (Он не знал, что делает это, хотя позже догадался);

He had bought treasures there sometimes, though he had no place to put them (Иногда он покупал там драгоценности, но ему было некуда их сложить).

Хоть по форме эти предложения и являются сложноподчиненными, союз *though* в них больше присоединяет к первой части дополнительное сообщение,

нежели выражает характерные для него подчинительные отношения, то есть по содержанию явная сочинительная связь. Об этом говорит еще и то, что союз *though* можно заменить сочинительными союзами *but* или *and yet* без изменения смысла высказывания, и то, что переставить вторую часть сложного предложения с союзом *though* в начальную позицию без каких-либо дополнительных манипуляций невозможно, а это признак сложносочиненного предложения.

Нередко нейтрализуется синтаксическая связь сочинения и подчинения в сложных предложениях с соединительным подчинительным союзом *so that*:

I took no notice of him, so that he flew into a rage (Я не обращал на него внимания и он пришел в ярость);

He locked the door from the outside, so that I couldn't run away (Он закрыл дверь снаружи, так что я не мог сбежать).

Союз *so that* является подчинительным и его основной функцией является выражение результата или следствия первой части предложения. Эти предложения по смыслу имеют сочинительные признаки, так как подчинительный союз *so that* можно свободно заменить сочинительным союзом *so*, или союзными наречиями *and therefore, thus* без изменения смысла высказывания.

Похожая нейтрализация происходит между бессоюзным сложным предложением с *so* и *such* в первой части и сложноподчиненным предложением, в котором придаточная часть вводится подчинительным союзом *that*, который соотносится с наречием *so* или местоимением *such* в главном предложении:

I'm so hungry I could eat anything – I'm so hungry that I could eat anything (Я так голоден, что съел бы что угодно);

This is such a good game I would play day and night – This is such a good game that I would play day and night (Это такая хорошая игра, что я играл бы день и ночь).

В этих предложениях мы свободно можем избавиться от подчинительного союза *that* и поменять главное и придаточное предложение

местами без потери смысла, что свидетельствует о сочинительной связи этих предложений.

Интересный пример нейтрализации синтаксических связей представлен оппозицией сложносочиненное – сложноподчиненное предложение с атрибутивным (continuative clause) местоимением *which*:

*But today he slept only in snatches **which** was worse than not sleeping at all*
(Но сегодня я спал урывками, что даже хуже, чем если бы я не спал совсем).

По форме данное предложение имеет подчинительную связь, а по содержанию оно сочинительное. Ни одна из частей сложного предложения не играет подчинительной роли, все они здесь обладают относительное самостоятельностью, а это признак сочинения. Присоединительное предложение не связано с конкретным членом главного предложения и не модифицирует его значения, а соотносится с первой частью в целом и дает дополнительную информацию о том, что последует дальше. Это можно доказать невозможностью постановки вопроса к слову *snatches* или любому другому члену главного предложения, а местоимение *which*, которое вводит присоединительное предложение, можно заменить на *and it/this* без потери смысла всего предложения.

Аналогично и в предложении, где присоединительное придаточное предложение вводится местоимением *who*:

*He returned the copies to Gradman, **who** took them without looking up* (Он вернул копии Градману, который взял их даже не посмотрев);

*I gave a bouquet to mother, **who** put it in a vase* (Я отдал букет маме, которая поставила его в вазу).

Можно свободно заменить местоимение *who* на конструкцию *and he* и смысл всего предложения не изменится.

1.4 Теория трансформов в английском языке

Трансформами называются грамматические конструкции – предложения или словосочетания, – которые могут быть преобразованы одна в другую по

определенным законам; законы эти типовые, то есть относятся ко всем грамматическим конструкциям данного типа.

Например, одним из примеров могут послужить страдательный и действительный обороты (active voice, passive voice). Любой страдательный оборот можно преобразовать в действительный по определенным правилам: *The door was open – Someone opened the door* (Дверь была открыта – Кто-то открыл дверь). Правило относится ко всему типу таких конструкций. Но не всякий действительный оборот может быть преобразован в страдательный: *I am playing football right now – Football is being played right now* (Я играю в футбол прямо сейчас – Футбол играет прямо сейчас) В данном случае предложение в страдательном залоге не имеет смысла, хотя грамматически и оформлено верно. Это наводит на мысль, что ряд трансформов может иметь направленность: от А к Б, но не от Б к А.

В ряду трансформов действует такое правило: два трансформы, входящие в один трансформационный ряд, не могут иметь одно и то же синтаксическое строение. Перемены должны быть обеспечены разными синтаксическими позициями одной и той же лексемы. Поэтому предложения: *The audience welcomes athletes – Athletes welcome the audience* (Зрители приветствуют спортсменов – Спортсмены приветствуют зрителей) друг для друга не трансформы, хотя рисуют, может быть, одну и ту же ситуацию. *Dora loves Peter – Peter loves Dora* (Даша любит Питера – Питер любит Дашу) – принадлежат к разным рядам трансформов.

Принимая во внимание все сказанное мы можем построить, например, такой ряд трансформов:

Someone opened the big door;

Nobody opened the big door;

The big door was opened;

The big door was not opened;

The door was big, someone opened it...

И так далее.

Это – тип отношений, к нему относится неограниченное количество трансформационных последовательностей. Такой ряд трансформов всегда возможен при определенном семантическом классе избранного глагола и при существовании в языке отглагольного существительного или герундия, соответствующего глаголу. (Панов, 2004: 45)

Возьмем, к примеру, другой ряд трансформов:

He drew a beautiful picture

He didn't draw a beautiful picture

A beautiful picture was drawn

A beautiful picture wasn't drawn

A picture was beautiful, he drew it

Весь этот ряд трансформов можно уместить в одно словосочетание *drawing a beautiful picture*, которое нейтрализует все реализуемые из него трансформы, как негативные, так и позитивные, как трансформы в страдательном залоге, так и трансформы в действительном залоге, и в итоге этот ряд можно изобразить таким образом:

He drew a picture

He didn't draw a picture

A picture was drawn

A picture wasn't drawn

A picture was beautiful, he drew it

drawing a beautiful picture

Можно сказать, что все эти трансформы как бы скрыты в одном, но это нельзя назвать импликацией, так как при выражении одного обобщающего трансформа непонятно, что именно мы подразумеваем и подразумеваем ли вообще. В этой работе уже упоминался термин импликации при разборе нейтрализации оппозиции утверждения и отрицания, и сейчас пришло время разобрать его более подробно.

1.5 Импликация, эллипсис и неполные предложения

Термин импликация в лингвистику пришел из логики, где имеет четко очерченное применение. Импликацией в логике принято называть логическую операцию, связывающую два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связки, которой в естественном языке в значительной мере соответствует союз «если..., то...». При этом в логике характерной чертой импликации является ее бинарность: импликация образуется только объединением двух суждений, первое из которых называется антецедентом, а второе – консеквентом. Но логики признают, что языковые средства выражения импликации в естественных языках многогранны, более того, импликации естественного языка не всегда подчиняются логическим законам. Перевод выражения обычного языка на уровень пропозициональной логики лишает его некоторых оттенков смысла. В связи с этим в определениях импликации, принятых в лингвистике есть некоторые отклонения от классического логического подхода. (Клини, 1973: 28)

В частности, текстовая импликация понимается как дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста. Таким образом, импликация в лингвистике тесно переплетается с представлением об имплицитном содержании или смысле и часто подменяет его. При этом понятие об имплицитности имеет разное истолкование в различных лингвистических работах. В общем случае имплицитность характеризуется известной асимметрией плана содержания и плана выражения языкового знака, при котором содержание мысли оказывается значительно шире своего языкового выражения в языковых единицах. К имплицитному принято относить как категории скрытой грамматики, так и имплицитную номинацию, семантический эллипсис, имплицитную предикацию, скрытые смыслы, опущенную часть информации и т.д. Очевидно, что при такой трактовке происходит перекрытие содержания терминов: и импликация, и имплицитность в этом случае рассматриваются как дополнительный скрытый

смысл, не выраженный в высказывании вербально. И все же между понятиями импликации и имплицитности есть существенная разница.

Импликация, или имплицитивные отношения между суждениями в структуре текста могут быть эксплицитными (выраженными) или имплицитными (подразумеваемыми). Импликация эксплицитна при эксплицитированном, вербализованном, выражении частей модели – непосредственного или опосредованного умозаключения: антецедента, консеквента или связки. Импликация имплицитна при отсутствии языковой реализации в тексте одной из частей умозаключения. А.В. Бондарко называет имплицитными семантические элементы, не выраженные в речевом акте языковыми средствами, но вытекающими из эксплицитно выраженных элементов. Практически любое высказывание в речи может обретать смысловую недосказанность, подтекст, подразумевание. Возможно, это связано с такой стороной речи, как ее экономичность. Известная максима количества Грайса требует компактного изложения мысли. То, что и так ясно, не требует вербального выражения, более того, отход от этого постулата может рассматриваться как некооперативное поведение. С другой стороны процесс имплицитивного поиска пропущенной информации рассматривается коммуникантами не как наличие досадных «помех» коммуникации, а наоборот, как фактор «счастливой коммуникации». Ничто не приносит столько радости, сколько знание, полученное самостоятельно.

Представляется удачным определение Л.В. Лисоченко, согласно которому имплицитность – это невербализованное информативное содержание, предназначенное для сообщения. (Лисоченко, 1992: 28)

Давайте снова вернемся к оппозиции утвердительного и отрицательного предложений. Как говорилось ранее, смысл одного употребляется в форме другого, выражая скрытый смысл, что и является импликацией, и таким образом оппозиция нейтрализуется.

Теперь по аналогии рассмотрим явление эллипсиса в английском языке. Эллипсис часто употребляется в письменной, а также в живой разговорной речи. В процессе общения друг с другом люди неизменно сталкиваются с

потребностью как-либо сократить свои реплики, и причины тому могут быть самыми разными: собеседники могут торопиться рассказать интересную историю, сделать свою речь проще для понимания друг друга, или же просто хотят воссоздать в разговоре неформальную обстановку.

Эллипсис – намеренный пропуск несущественных слов в предложении без искажения его смысла, а часто – для усиления смысла и эффекта.

Классификация эллиптических предложений проведена в работе Л.С. Бархударова на основе способа экспликации слова, представленного нулевым вариантом: синтагматически восполняемые (из окружающего контекста) и парадигматически восполняемые (восполняемые из аналогичных конструкций, встречающихся в языке). Давайте их рассмотрим и на их основе раскроем тему данного параграфа. (Бархударов, 1975: 31)

А. Синтагматически восполняемые эллиптические конструкции.

В предложениях этого подтипа подвергшиеся эллипсису слова могут быть восстановлены как из данного предложения, так (чаще) и из какого-либо другого предложения, предшествующего или последующего.

Например: *She was proud of her father having been an officer and her husband a colonel* (Она гордилась тем, что ее отец был офицером, а муж – полковником);

Sam was in her blood. Had always been. Would always be (Сэм был в ее крови. Всегда был. Всегда будет).

– *I wish you didn't have to do it* (Лучше бы вам не пришлось этого делать)

– *I don't* (Я не стану).

Эти конструкции интересны тем, что в них имеются два эллиптических предложения, взаимно восполняющих друг друга, что очень часто может быть запечатлено в разговорной речи, поскольку наш мозг старается не тратить много энергии и экономить. Эллиптические же предложения являются выражением экономии языковых средств.

Б. Парадигматически восполняемые эллиптические конструкции.

Иногда представленные нулевым вариантом слова эллиптического предложения не могут быть восстановлены из окружающего контекста, но требуют для своей экспликации обращения к другим аналогичным конструкциям, встречающимся в языке, хотя и не зарегистрированным в непосредственном контекстуальном окружении данного эллиптического предложения. Поскольку в этом случае восполнение производится на основании уже не синтагматических, а парадигматических связей, постольку мы даем такого рода эллиптическим предложениям название парадигматически восполняемых.

– «*Married?*» [*Are you...*] (*Женаты?*)

– «*Widower, sir [I am a...] Two children.*» [*I have...*] (*Вдовец, сэр. Двое детей*);

A sunny midsummer day (*Солнечный июльский день*).

Контекстуальный эллипсис реализуется, как правило, в неполных предложениях, построенных на базе простого двусоставного предложения, позиционная модель которого не полностью выражена словесными формами, т.е. такое, в котором та или иная синтаксическая позиция выражена отрицательно, «синтаксическим нулем». Однако пропущенные компоненты высказывания могут при этом быть легко восстановлены из данного контекста.

Контекстуальный эллипсис наиболее характерен для разного рода диалогического единства и особенно тех, которые открываются местоименным вопросом. Например:

– *When were you last here?* (*Когда ты был здесь последний раз?*)

– *Yesterday afternoon* (*Вчера вечером*).

Принимая во внимание фактор, вызвавший к жизни эллипсисы этого типа, а именно закономерности развития синтаксической системы, ситуативно-неполное предложение – это такое предложение, в котором не назван тот или иной элемент структуры ясный из ситуации, которая является полноправной стороной акта коммуникации, она вплавляется в речь.

Ситуативный, или как мы его еще называли системный, эллипсис характерен, чаще всего, для стимулирующей реплики общего вопроса, которым открывается диалог, поскольку ясная, непринужденная ситуация общения дает возможность обойтись номинацией лишь важнейшего элемента коммуникации. Например:

– *Have a good day, old man? – Do you have a good day, old man? (Хороший денек, старик?)*

– *Married? – Are you married? (Женаты?)*

– *Going home? – Are you going home?(Идете домой?)*

– *Wanna smoke? – Do you want to smoke?(Хочешь закурить?)*

– *Hey, all right?- Hey, are you alright? Is everything alright?(Эй, все хорошо?)*

– *Yeah, feeling good – I am feeling god (Да, чувствую себя хорошо).*

Традиционно эллиптические и односоставные предложения различаются тем, что эллиптическими считаются только те, в которых подлежащее или сказуемое опускается по контексту:

– *Who is there? (Кто там?)*

– *Your brother – There is your brother (Твой брат).*

Поскольку отсутствующие члены предложения с легкостью восстанавливаются из контекста, традиционно эллиптические предложения рассматриваются как двусоставные. «Истинно» односоставными считаются те предложения, в которых отсутствующий член предложения не имплицитруется в рамках контекста, например: *What a nice day! (Какой хороший день!)*

Но это с точки зрения оппозиции двусоставного и односоставного предложения. Что же касается оппозиции полного и неполного предложения, то мы решили взглянуть на нее с несколько иной стороны.

Полные предложения – это предложения, в которых имеются в наличии оба состава предложения (подлежащее и сказуемое). Неполное предложение – это предложение, в котором выражен только один состав, либо же не выражено ни одного. Однако как уже было сказано выше, в случае с эллиптическими предложениями все не так гладко, ведь, например, в предложении *Have a good*

day, old man? подразумевается, что оба состава понятны семантически, мы восстанавливаем их в своей голове исходя из контекста, но они не просто отсутствуют, а являются скрытыми. Таким образом, неполное предложение на самом деле у нас в голове становится полным. В данном случае точно также действует явление импликации – невербализованного информативного содержания.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что содержательная сторона полного предложения выражается в форме неполного предложения, как в случае с утверждением-отрицанием, вопросом-невопросом и так далее. В итоге по аналогии с нейтрализацией этих оппозиций можно с полной уверенностью утверждать, что в эллиптическом предложении нейтрализуется оппозиция полного и неполного предложения.

Выводы по главе II

В главе было подробно рассмотрено явление нейтрализации синтаксических оппозиций современного английского языка. Было представлено и разобрано много примеров, из которых можно сделать выводы:

1. Оппозитивные отношения проникают во все уровни языка, в том числе и в синтаксис, где приобретает качественно иной характер, нежели изначально в фонологической концепции Николая Сергеевича Трубецкого, из-за чего сложно полностью систематизировать проводимые исследования и унифицировать применяемые методы;
2. Явление нейтрализации на синтаксическом уровне также приобретает несколько иную форму, нежели в изначальной фонологической концепции Трубецкого, практически полностью уходя в план содержания и используя форму лишь как способ выражения, без которой нет содержания. Очень много зависит от контекста, в котором употребляется конструкция. Некоторые языковые реалии обретают иной характер, если рассмотреть их со стороны нейтрализации, что свидетельствует о том, что стоит продолжать изучать это явление и искать новые его проявления.

Заключение

В рамках работы проведены исследования оппозиций в синтаксисе современного английского языка, которые поддаются нейтрализации, определены их функции. Был сделан вывод, что явление нейтрализации имеет иной характер на синтаксическом языковом уровне, нежели на фонологическом, поскольку нейтрализация синтаксических оппозиций – это прежде всего явление плана содержания, которое соотносится с определенной внешней формой в виду того, что без формы нет и содержания.

В курсовой работе были решены поставленные во введении задачи:

1. Был проведен анализ источников по данному вопросу;
2. Была изучена теория оппозиции и нейтрализации;
3. Были изучены особенности нейтрализации синтаксических оппозиций современного английского языка.

Оппозиция – важный элемент грамматического описания и комплексного анализа языка в целом. Современная лингвистика уже не может не учитывать оппозитивные отношения в лингвистическом дискурсе. Но так же, как правила в языке нельзя учить без исключений из этих правил, нельзя рассматривать систему оппозитивных отношений без их нейтрализации, что распространяется на синтаксический языковой уровень точно так же, как и на фонологический. И нейтрализация синтаксических оппозиций – это взаимодействие на стыке разных языковых уровней.

Еще очень многое предстоит изучить по данному вопросу и эта работа ни в коем случае не претендует на полноту представления нейтрализации оппозитивных отношений в синтаксисе современного английского языка, так как эта тема очень обширна и комплексна, ведь синтаксис зачастую лежит на стыке таких языковых разделов, как просодика, морфология и семантика.

Список литературы

1. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики / Т. В. Булыгина – Москва: Наука, 1968. – 175, 219 с.
2. Бузаров В. В., Бузарова М. Д. О нейтрализации на синтаксическом уровне // Вопросы языкознания / В. В. Бузаров, М. Д. Бузарова – Москва: Наука, 1984 – 118 с.
3. Бохударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка / Л.С. Бохударов – Москва: Высшая школа, 1966. – 31 с.
4. Ермакова О. П. О некоторых явлениях нейтрализации в морфологии // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М. В. Панова / О. П. Ермакова – Москва: Языки славянской культуры, 2001 – 61 с.
5. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова – Москва: Высшая школа, 1981. – 169 с.
6. Иофлик Л. Л. Структурный синтаксис английского языка / Л. Л. Иофлик – Санкт-Петербург: Издание Ленинградского университета, 1972 – 8 с.
7. Казанцева Я.Н. Теоретическая грамматика английского языка / Я.Н. Казанцева – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. – 115 с.
8. Клини С. К. Математическая логика / С. К. Клини – Москва: Мир, 1973 – 28 с.
9. Левицкий В. В. Звуковой символизм. Основные итоги / В. В. Левицкий – Черновцы: Издание Черновицкого университета, 1998 – 52 с.
10. Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой / Л. В. Лисоченко – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1992 – 28 с.
11. Макаев Э.А. Вопросы языкознания / Э.А. Макаев – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 50 с.
12. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса / О. И. Москальская – Москва: Высшая школа, 1974 – 102 с.

13. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие / М.В. Никитин – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ имени А. И. Герцена, 2007 – 650 с.
14. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / М. В. Панов – Москва: Языки славянской культуры, 2004 – 45 с.
15. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский – Москва: Аспект пресс, 1966. – 172 с.
16. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий – Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1957 – 48 с.
17. Серебренников Б. А. Общее языкознание / Б. А. Серебренников – Москва: Наука, 1972 – 167, 176, 180 с.
18. Сова Л. З. Генезис африканских языков / Л. З. Сова – Москва: Директ-медиа, 2013 – 69 с.
19. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960 – 38, 74, 93, 234, 256 с.
20. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика – Вып. 8 – Москва: ВИНТИ РАН, 1977 – 190 с.
21. Чикурова, М.Ф. Некоторые аспекты прагматики отрицания / М.Ф. Чикурова // Лексическая и синтаксическая семантика: Сборник научных трудов – Саранск: МГУ, 1989 – 42 с.
22. Шаумян С.К. Проблемы теоретической фонологии / С.К. Шаумян – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 194 с.
23. Дудкина М. А., Егоян А. Г., Горошко О. Н. Эллипсис в английском языке / М. А. Дудкина, А. Г. Егоян, О. Н. Горошко // VIII Международная студенческая научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов» – 2016 – 12 апреля.
24. Булыгина Т. В. Оппозиции [Электронный ресурс] / Т. В. Булыгина // Вологодская областная универсальная библиотека – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/084/628.htm>
25. Кузнецова А. А. Утверждение и отрицание в их категориальных взаимосвязях / А. А. Кузнецова // Преподаватель XXI век – 2016 – № 1

26. Виноградова С. А. Импликация – имплицитность – импликационал [Электронный ресурс] / С. А. Виноградова // Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2375583/>
27. Кулаева О. А. Эксплицитность и имплицитность высказывания [Электронный ресурс] / О. А. Кулаева // Вестник. Наука и практика – Режим доступа: <http://xn--e1aaifpcds8ay4h.com.ua/pages/view/806>
28. Предложение как синтаксическая единица. Понятие предикативности // SciCenter.online – Режим доступа: <http://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/predlojenie-kak-sintaksicheskaya-edinita-97173.html>
29. Выражение грамматического значения в английском языке. Грамматические оппозиции и категории [Электронный ресурс] // Студопедия – Режим доступа: <https://studopedia.org/11-81952.html>
30. Общее положение языкознания в конце 19 – начале 20 вв. [Электронный ресурс] // КМ.RU – Режим доступа: <http://www.km.ru/referats/27D4C898A9794F46A3FCCF4DBABF2A3D>
31. Языкознание в 20 веке [Электронный ресурс] // Textologia – Режим доступа: <http://www.textologia.ru/yazikoznanie/istoriya-yazikoznania/devyatnadsatyyj-vek/yazikoznanie-v-20-veke/1335/?q=641&n=1335>